

ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ СХОДСТВО ИДЕЙНО-ЭСТЕТИЧЕСКИХ ИСКАНИЙ В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ РОМАНЕ XIX ВЕКА

Ощутимая историческая дистанция и предлагаемый компаративистикой сравнительный анализ различных национальных и исторических типов ментальности создают условия духовно-научной ориентации в рамках гуманитарного знания новейшего периода. Переориентация с изучения литературы на исследование культурного сознания побуждает литературоведов к активному изучению культурных феноменов самого разного характера, чтобы путем их критического сопоставления попытаться выявить и зафиксировать основные закономерности культурной жизни эпохи.

На фоне достижений русского реализма второй половины XIX века заслуги немецких писателей-реалистов этого периода менее значительны. Они не повлияли на дальнейшее развитие европейской литературы и не были так популярны как, например, английский или французский реалистический роман. В этой связи заслуживает пристального внимания факт популярности у русского читателя в 60–70-х годах XIX в. творчества немецкого романиста Фридриха Шпильгагена (1829–1911).

Внимание читателей русский современник Шпильгагена П.Д. Боборыкина объясняет «не только потребностью в том, чтобы роман занимался интересами, близкими тогда и у нас, и в Германии молодым поколениям, но чтобы он более трезво отзывался на правду действительности...» [1, 478]. Поэтому русский литератор в своём монографическом исследовании «Европейский роман в XIX столетии. Роман на Западе за две трети века» (1900) определяет «роман шпильгагенского типа» как «веховый» в истории европейского реалистического романа [1].

Известно, что наиболее популярным у русского читателя романом Шпильгагена был «Один в поле не воин» (1856). Эта популярность объясняется исторически обусловленной общностью идейных предпосылок развития русской и немецкой литератур этого периода, умением писателя оперативно откликаться на веяния времени, превращая роман в «очень сложный и доказательный документ» [1, 480]. Не менее важную роль в восприятии творчества немецкого романиста в России играли те контактные и генетические связи, которые сложились в русской и немецкой культурах в сфере эстетических и философских исканий к середине XIX века. С этой точки зрения 50–60-е годы представляют собой развитие и обогащение традиций, сложившихся в первую половину века (в этой связи укажем на проблему рецепции Гёте в произведениях Тургенева, философии Канта в творчестве Толстого, восприятие идей Шопенгауэра Фетом и ряд других вопросов).

В русской литературе расцвет реализма связан с общим подъемом общественной жизни 50–60-х годов, приведшим к падению крепостного права. Осмысление опыта западных революций 1848 года, в том числе и революции в Германии, стало в России этого времени насущной задачей. Проблемы теории и практики, личности и народа – проблемы, которые занимали русскую общественную мысль – волновали русских писателей. Вместе с тем, все возрастающее значение приобретало изображение негативных сторон развивающегося капитализма, а «положительным» героем отраженной в литературе эпохи становится передовой интеллигент, разночинец-демократ.

В Германии, несмотря на поражение революции 1848 года, сходные идеи времени продолжали играть важную роль в духовной жизни страны. Немецкая литература по-своему откликнулась на актуальные вопросы современной действительности и подобно русской литературе критиковала феодальное дворянство, капитализирующуюся Германию и выдвигает на первый план нового демократического героя (например, в творчестве В. Раабе).

Как для русской, так и для немецкой литератур 50–60-х годы реалистический роман становится ведущим жанром. Отразившийся в классическом русском романе интерес к окружающей действительности, проблемам народного бытия, социально-нравственным исканиям личности и постижению «универсально смысла» жизни определил его особый характер и его место в истории европейской литературы.

Середина XIX века в Германии – время вызревания нового типа романа о современности. Наряду с традиционным национальным жанром – романом воспитания, претерпевающим значительную эволюцию, в немецкой литературе утверждается проблемный роман, связанный с европейской литературой критической реалистической направленности. В немецком романе этого периода преодолевается характерная для национальной прозы традиция субъективного повествования, сосредоточенного на духовных исканиях личности. Середина века отмечена движением к эпичности, к созданию романа, осмысляющего народную историю и современность как итог истории.

В период формирования и развития реализма как ведущего художественного метода типологическое сходство идейно-эстетических исканий в русской и немецкой литературах отражало закономерности развития и обогащения самого реалистического метода. Речь идет в первую очередь об историчности реализма, о стремлении к раскрытию идеологических и социальных процессов своего времени. Различие в художественном уровне произведений немецких писателей-реалистов, например Ф. Шпильгагена, творчество которого рассматривают в аспекте проблем, связанных с поэтикой «художественно второстепенного» (И.А. Гурвич) и великих русских писателей-романистов не исключает возможности их сравнения. С точки зрения общетипологических сходжений и контактно-генетических связей писатели такого идейно-эстетического уровня («второго ряда») как Шпильгаген осуществляют преемственность межлитературных ценностей более прямолинейно. Они гораздо более показательны, чем первостепенные. В творческой манере Шпильгагена характерные черты развития реалистической литературы середины XIX в., общепризнанные нормы проявились гораздо более непосредственно, благодаря чему он пользовался значительной известностью и популярностью, чем его более талантливые современники (например, Раабе).

Д. Дюришин указывает на то, что влияние Шпильгагена на писателей из круга славянских литератур в 60–70-х годов XIX в. было куда более значительным, чем его современника И.С. Тургенева [3, 100]. А П.Д. Бобрыкин прямо указывает на то, что «русская публика 60-70-х годов <...> сделала из этого немецкого романиста своего любимца» [1, 478]. Несмотря на существенные различия, продиктованные национальным своеобразием литератур и художественным качеством сравниваемых произведений, представляется возможным установить известную общность в постановке проблемы, особенности типажа в русском и немецком романе 50–60-х годов XIX в., а типологическая общность конфликта, составляющего основу структуры произведения, может служить исходным моментом при сравнении романов Шпильгагена и русских романов 50–60-х годов.

Известно, что Шпильгаген не создал своей поэтической системы, заимствовав многое из французского романа 30–40-х годов и европейского «физиологического очерка», этическая и эстетическая составляющие которого чрезвычайно были близки традициям русской натуральной школы. Начиная с первого романа «Проблематические натуры» (переведен как «Загадочные натуры»), Шпильгаген пользуется тем основным принципом построения романа, который сохранится во всех последующих его произведениях. М.Л. Тронская, подчеркивает, что в романах Шпильгагена «политическая тема вырастает в условную схему традиционного семейного романа, политически острый материал переплетается со сложной приключенческой интригой, избыточной мелодраматическими мотивами и ситуациями» [4, 164]. С.В. Тураев указывает на многонаселенность романов немецкого писателя, в которых «дан широкий срез немецкого общества, представлены разные его классы» [5, 377]. Последнее обстоятельство особенно импонировало традиции русского реалистического «физиологического очерка».

Риторический пафос, сентиментальная морализация, пышность метафор и сравнений характеризует глубоко эмоциональный стиль Шпильгагена, являются особенностями поэтики немецкого романиста. В романе «Проблематические натуры» прослеживается судьба Освальда Штейна, домашнего учителя в семье барона Гренвиц. В основе конфликта – столкновение романтически возвышенного характера, сочетающего в себе качества революционера и «лишнего человека», с миром аристократов, одновременно отталкивающего и притягивающего к себе героя романа. Во второй части произведения («От ночи к свету») Шпильгаген раскрывает психологическую подоплеку противоречивого отношения Освальда Штейна к дворянскому сословию: герой оказывается побочным сыном старшего брата барона и законным наследником его поместья. В финале романа Освальд Штейн отказывается от наследства и умирает в 1848 г. на баррикадах. П.Д. Бобрыкин, ощущая типологическую общность русского романа и романа шпильгагенского, резюмирует: «Автор все-таки доводит его (Освальда Штейна. – Л.Д.) до полного жизненного банкротства и заставляет этого бурного неудачника кончить дни свои на мартовских баррикадах, совершенно так, как Тургенев покончил со своим Рудиным» [1, 479].

Шпильгаген изображает типичного представителя «лишних людей», доминирующего типа в русской литературе XIX века. «Лишний человек по сей день является наиболее часто употребительным типологическим определением центрального героя русской классической литературы» [6, 66]. Универсальность этого типа подтверждается «набором» общих черт. А.А. Фаустов выделяет несколько постоянных модусов значений этого типа: чужой в окружающей среде; «сверхштатный», лишенный места и замкнутый в себе; «отвлеченный человек»; «беспочвенный»; человек, лишенный на земле своего места [6, 66].

Центральный конфликт романа дан Шпильгагеном на социально-историческом фоне: здесь и борьба буржуазии с дворянством, разложение дворянства, нищета народа, движение пролета-

риата. Для всех произведений Шпильгагена характерна антифеодалная направленность, критика дворянства «изнутри» в лице лучших представителей этого сословия. В этом смысле конфликт романа «Проблематические натуры» отражает ситуацию, характерную для немецкой литературы 50–60-х годов и очень близкую русской литературе этого периода. Достаточно назвать роман Б. Ауэрбаха «Новая жизнь» (1852), в котором изображена судьба дворянина, участника событий 1848 года, отказавшегося от графского титула и посвятившего свою жизнь скромной профессии деревенского учителя.

Особый характер решения главного конфликта романа Шпильгагена «Проблематические натуры» определяет ту важную роль, которую это произведение играет в литературе второй половины XIX века. Рожденный переходной эпохой 30–40-х годов герой тип героя, носителя передовой идеологии, но обреченный на бездействие нашел отражение, в первую очередь, в творчестве писателей «Молодой Германии» и их последователей в 40-е годы. В 50–60-е годы этот традиционный герой, генетически восходящий к гётевскому Вертеру, осмысливается в новом свете. Шпильгаген изображает своего героя не только как носителя «разорванного сознания» и бессильного протеста, но пытается указать реальный путь преодоления пассивности героя, делает его участником революционных событий 1848 года. В том же направлении решает проблему современного героя и русская литература конца 40-х и 50-х годов. Таковы, например, повесть Панаева «Родственники» (1847), повесть Михайлова «Изгоев» (1855). Нравственное перерождение, взрыв духовных и деятельных сил, обращенных на общую пользу, пересмотр пассивного, созерцательного отношения к жизни, определяет пафос многих произведений, как русской, так и немецкой литературы этого времени («Обломов» И. Гончарова, романы В. Раабе и др.). На революционной баррикаде в Париже 1848 года погибает герой романа И. Тургенева «Рудин», созданного в 1855, до выхода в свет «Проблематических натур». Пути духовного развития центрального героя этого романа И. Тургенева продиктованы в первую очередь русской действительностью и национальной культурно-исторической традицией. Однако трудно отрицать типологическую общность конфликта «Проблематических натур» и романа Тургенева «Рудин» (первоначальный вариант заглавия – «Гениальная натура»).

В рамках современного «частной жизни» И. Тургенев идет в глубь психологической проблемы «лишнего человека» 30–40-х годов и создает образ героя, живущего активной внутренней жизнью, для которого философские искания и споры, поиски высокого нравственного идеала составляют как бы основное содержание бытия. Идея преобразовательной, практической деятельности героя еще не получила в романе художественного воплощения. Герой Тургенева еще разъединен с миром. Подобно героям Шпильгагена, он впитал в себя немало черт романтического индивидуализма. Важно отметить, что философский источник, питающий «разорванное» сознание героев немецкой литературы 30-40-х годов и сознание «лишнего человека» Рудина, один и тот же – немецкая идеалистическая философия. Изображению дворянской интеллигенции 30–40-х годов, увлеченной немецкими идеалистическими настроениями, никак не обращенными к русской общественной практике, Тургенев посвятил целый ряд произведений и до создания своего романа, в частности рассказ «Гамлет Щигровского уезда». Как и герой этого рассказа, студент Рудин – воспитанник кружка Грановского и Станкевича, был «весь погружен в германский романтический и философский мир». Сочувственное, но вместе с тем и критическое отношение Тургенева к своему герою, отразившееся в романе, было связано, как известно, с исторической оценкой идей, формировавших сознание русского интеллигента 30–40-х годах. Критику абстрактно-теоретического, пассивно-созерцательного отношения к жизни, воспитанного на восприятии немецкой идеалистической философии, Тургенев продолжит и в следующем своем романе «Накануне», противопоставляя Берсенева с его отвлеченным умозрительным отношением к жизни, активному герою нового типа – Инсарову. Следует подчеркнуть, что решение проблемы современного героя, формирование идеала жизненной активности, отразившееся в русском и немецком реалистическом романе 50–60-х годов – процесс сложный и противоречивый.

В 60-е годы отчетливо прослеживается влияние философии Шопенгауэра, как на концепцию характера центральных героев, так и на идейные аспекты конфликта в немецком романе. Вопрос о влиянии идей Шопенгауэра на решение конфликта в ряде произведений Тургенева 60-х годов не столь однозначен. В критической литературе речь идет либо о поверхностном, неглубоком восприятии Тургеневым отдельных сторон философии Шопенгауэра, либо полностью отрицается сама возможность такого влияния. Однако некоторые наблюдения дают возможность проследить известную типологическую общность в философской трактовке конфликта в романах Шпильгагена и Тургенева указанного периода. Речь идет о трагическом исходе конфликта, пессимистической тональности финалов таких произведений, как «Отцы и дети», отчасти «Накануне» Тургенева и «Проблематические натуры». «Один в поле не воин» Шпильгагена. Мотив неизбежности смерти,

безразличной и глухой ко всему вечности равно определяет пафос последних глав романа «Отцы и дети» и названных романов Шпильгагена. Как Тургенев, так и Шпильгаген вкладывают в сознание своих радикально мыслящих активных героев (Базаров, Инсаров, Освальд Штейн) черты, придающие им облик трагических одиночек в духе романтического индивидуализма.

Специфика изображения центральных характеров в романах Тургенева 50-60-х годов определяется, как известно, особенностями самого метода писателя, того «романтического реализма», который был типичен во многих отношениях и для немецкого реализма, преемственно связанного с эстетикой романтизма. Поставленная в романе Шпильгагена «Один в поле не воин» проблема современного героя, особенности ее идейно-художественного воплощения представляется нам чрезвычайно важной, поскольку она имеет прямое отношение к проблематике русского романа 60-х годов.

История Лео Гутмана, общественного деятеля кануна революции 1848 года, этапы его духовного развития и его трагическая гибель составляют фабулу романа. В основу биографии Лео Гутмана легли некоторые факты из жизни Фердинанда Лассала. Действие романа охватывает период кануна революции 1848 года. Отец Лео, мелкий служащий, умирает от чахотки, маленький Лео воспитывается в доме своего дяди, лесничего барона. С детских лет он мечтает стать папой римским или генералом ордена иезуитов. На дальнейшее развитие и судьбу героя оказывает сильное влияние учитель Туски, радикально настроенный молодой человек. Его пренебрежение к общепринятой морали, его непримиримость формирует в Лео убежденность в том, что цель оправдывает средства. Став политическим деятелем, Лео, одержимый идеей избрничества, не в состоянии действовать в народных интересах. Он привлекает к себе внимание «гуманного, мудрого» прусского короля и, подобно своему прообразу – Фердинанду Лассалу, пытается использовать авторитет короля в политической борьбе, однако все его надежды оказываются несостоятельными. Судьба героя складывается драматически: крах его цезаристских устремлений, осознание ложности избранного пути приводит его к гибели.

Авторская позиция беспристрастного наблюдателя в изображении радикального деятеля Лео и его противников отражала попытку автора создать диалогическую форму романа, затрагивавшего все аспекты идейной борьбы своего времени. С произведениями Тургенева Шпильгагена сближает именно это стремление зафиксировать тип современного героя, оставаясь объективным наблюдателем. Как и Тургенев, Шпильгаген отдает должное исторической правде, рисуя продиктованную жизнью закономерность появления на общественной арене героя-разночинца типа Базарова. Социальная обусловленность и оправданность протеста такого героя не подвергается Шпильгагеном сомнению, равно как и Тургеневым не подвергаются сомнению социальные права такой духовно богатой личности, как Базаров. Пафос романа – в развенчании идеологии бонапартизма, культа сильной личности. И в этом плане эпический конфликт романа во многом созвучен идейной направленности ряда произведений русской литературы 60-х годов, отражая актуальные для этого времени тенденции. Критический перелом культа Наполеона, «героя», стоящего над толпой, составляет один из наиболее важных этапов духовного развития центральных персонажей романа Толстого «Война и мир», определяет идейно-философское содержание «Преступления и наказания» Достоевского.

Вопрос о нравственном содержании человеческой деятельности, о границах нравственной свободы личности, проблема столкновения бунтарского своеволия и жизненных прав другого человека приобрели особую остроту в России на почве исторического разочарования, пережитого молодым поколением в 60-е годы. Шпильгаген на материале недавнего исторического прошлого решает сходные вопросы средствами политического романа, как «изобличитель отживающего феодально-дворянского строя» (П.Д. Боборыкина), подтверждая тем самым их своевременность и для немецкой литературы.

Финал романа отчетливо проявляет сущность конфликта. Одержимый мыслью о своей исключительности, свободный от общественной морали, Лео Гутман наказан самим собой, собственной совестью. В отличие от героя романа Достоевского, любовь не может воскресить Лео Гутмана, но раскаяние предстает как неизбежный итог его прозрения. Подобно герою трагедии, он, как и Раскольников, «сам держит в руках свою судьбу и должен сам вынести свой приговор» (Г. М. Фридендер) [7, 176] – типологическая общность конфликта определила и эту особенность его воплощения.

Разумеется, индивидуальное своеобразие в решении проблемы определяется в первую очередь различием художественного уровня писателей, жанровой спецификой сравниваемых произведений, национальными традициями. Вместе с тем нельзя не отметить, что критическая направленность романов имеет тот общий источник, о котором говорит Г.М. Фридендер применительно к Достоевскому: гуманизм Шиллера, его неприятие аморализма, индивидуалистического титанизма, идеи «сверхчеловека» [7].

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Боборыкин П.Д. Европейский роман в XIX столетии : Роман на Западе за две трети века. / П.Д. Боборыкин. – СПб., 1900. – 668 с.
2. Дитце В. Шопенгауэр. История немецкой литературы / В. Дитце / АН СССР. Ин-т мир. лит. – М. : Наука, 1968. – Т.4. – 586 с.
3. Дюришин Д. Теория сравнительного изучения литератур / Д. Дюришин. – М. : Наука, 1979. – 324 с.
4. Тронская М.Л. Шпильгаген. История немецкой литературы / М.Л. Тронская / АН СССР. Ин-т мир. лит. – М. : Наука, 1968. – Т.4. – 586 с.
5. Тураев С.В. Немецкая литература / С.В. Тураев // История всемирной литературы : В 9-ти т. / АН СССР. Ин-т мир. лит. – Т. 7. – М. : Наука, 1991. – С. 370–392.
6. Фаустов А.А. К литературному генезису термина «лишний человек» / А.А. Фаустов // Филологические записки : Вестник литературоведения и языкознания. – Вып. 1. – Воронеж, 1993. – С. 64–72.
7. Фридендер Г. Достоевский и мировая литература / Г. Фридендер – М. : Худож. литература, 1979. – 424 с.

Анотація. У статті розглядається проблема типологічної єдності німецького й російського реалістичного романів середини XIX ст. на матеріалі творів Ф. Шпільгагена. Факт популярності творчості німецького письменника-реаліста у російського читача пояснюється загальними ідейними пошуками літературою 60-70-х років XIX ст.: умінням письменника оперативно реагувати на актуальні проблеми суспільного життя. Саме тому критичні й «натуралістичні» тенденції шпільгагенського роману були близькими російському читачеві. Давалися взнаки контактні та генетичні зв'язки, які склалися у німецькій і російській культурах у сфері естетичних і філософських пошуків середини століття.

Ключові слова: реалістичний роман, герой, конфлікт, тип.

Summary. The article deals with the problem of typological commonness of the German and Russian realistic novel on the material of Spielgagen's works. The fact of the German writer's popularity among the Russian readers is explained by the common ideas' search, characteristic to the literature of the 60-70 years of the 19th c., that is the ability of a writer to respond to the public life's vital problems. This is the reason why the Spielgagen's "naturalistic" tendencies were so close to the Russian reader. Contact and hereditary ties, which appeared in the German and Russian cultures in the sphere of aesthetic and philosophical search, were also very important.

The question of the moral content of human activity on the borders of moral freedom of the individual, the problem of the collision of rebellion and vital rights of another person has become particularly acute in Russia as a result of historical frustration experienced by the younger generation in the 60s. On the material of the recent historical events Spielhagen solves similar problems by means of political novel, confirming the same timeliness issues for German literature. Typological commonality of the conflict in novels of Russian writers (Turgenev I.) and Spielhagen's novels defined the specific feature of his incarnation.

An important feature of Spielhagen's novels was the image of a typical representative of the "superfluous men", the dominant type in Russian literature of the nineteenth century. For characters of the German writer, as well as for Turgenev's characters, features of romantic individualism are characteristic. Philosophical source of "broken" consciousness of the characters in German literature of 30-40-ies and "superfluous man's" way of thinking in Turgenev's works, are the same i.e. German idealist philosophy.

Individual peculiarity in solving the problem is primarily determined by the difference between the artistic level of the writers, genre specificity of the comparable works, national traditions. However, it should be noted that the critical focus of the "Spielhagen's type" (Boborykin P.) novels and mid-century Russian novel have a common source: the rejection of immorality, individualistic titanism, the idea of "superman".

Key words: realistic novel, hero, conflict, type.

Отримано: 6.07.2015 р.